

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Тышка

Мажор

(Не)

ЛЮБОВЬ

ART WRITER

(He) Любовь

<https://litres.ru/74467089>

SelfPub; 2026

Аннотация

— Мне нужно, чтобы ты притворилась моей девушкой. На время. Просто для видимости.

Я уставилась на него, как на сумасшедшего. Это была шутка. Должна была быть. Но он не смеялся.

— Ты серьезно? — спросила я, отставляя чашку. — Орлов, ты головой ударился? Почему я? В университете сотни девушек, которые мечтают о такой «роли». Иди и выбери любую.

— В том-то и дело, — он подался вперед, понизив голос. — Мне не нужна фанатка, которая потом будет бегать за мной и требовать продолжения банкета. Мне не нужна девушка из нашей «тусовки», потому что это создаст кучу сплетен и проблем. Мне нужен кто-то незаметный.

Содержание

Глава 1. (He) Заметная	4
Глава 2. (He) Свидание	14
Глава 3. (He) Пара	30
Глава 4. (He) Привычка	43
Глава 5. (He) Привычка	52
Конец ознакомительного фрагмента.	64

ART WRITER

(He) Любовь

Глава 1. (He) Заметная

Все знают, что в университете есть своя иерархия. Это негласный закон, который впитываешь с первой недели, как запах дешевого кофе из автомата в холле. На вершине пищевой цепочки — они. Те, чьи имена знают даже преподаватели, которые делают вид, что им все равно. Те, кто не ходит по коридорам, а шествует, рассекая толпу, как ледоколы — серые, блестящие, уверенные в своем праве на первенство. Такие, как Максим Орлов и его свита. Красавчик, капитан баскетбольной команды, сын декана экономического. Он был не просто популярен — он был *событием*. Девушки вздыхали, парни ему завидовали или уважали, третьего не дано.

И был я.

Я — Алиса. Алиса Ковалева. Студентка третьего курса филологического факультета, специализация — русская литература XX века. Двадцать лет. И да, я пышка. Не «девушка с формами», не «фигуристая» — а именно пышка. Я не вписывалась ни в одну из категорий. Я не была серой мышкой, которая — прячется в библиотеке (хотя проводила там мно-

го времени), но я и не была заметной. Я была фоном. Элементом интерьера, который замечаешь, только если он вдруг пропадет. Как старый диван в читальном зале: все на нем сидят, но никто не помнит, какого он цвета.

Моя жизнь текла по накатанной колее: лекции, семинары, подработка в студенческом журнале (верстка, никто не любит верстку), вечера с книгой и пледом, редкие вылазки в кино с единственной подружкой Варей. Варя — это мой социальный мост в мир нормальных людей. Она знает всех, везде бывает, и именно от нее я узнаю новости вселенной, которая вращается где-то там, за пределами моей комнаты в общении.

— Ты знаешь, что Орлов вчера расстался с Ленкой из ПР-отдела? — спросила она меня однажды утром, пока мы стояли в очереди за отвратительными сосисками в тесте в университетской столовой.

Я пожала плечами, пытаясь не запачкать пальто горчицей.

— Мне-то что?

— Как что! Это же сенсация! Они встречались три месяца. Она уже всем рассказала, что он сделал ей предложение... почти. А он взял и все отменил. Говорят, из-за какой-то ерунды. Он такой, — она закатила глаза, — ветренный.

Я не стала комментировать. Максим Орлов и его личная жизнь меня не интересовали. Он был из другого мира. Мира, где люди ходят на вечеринки в закрытые клубы, носят брендовые вещи и их проблемы измеряются количеством лайков

под фото в инстаграме. Я жила в мире, где нужно было сдать курсовую по Булгакову до пятницы и где мой вес был не поводом для шуток, а просто фактом биографии. Как цвет волос. Как рост.

Я не то чтобы стеснялась своего тела. Скорее, я с ним смирилась. Это как жить в съемной квартире с неудобной планировкой: ты знаешь, что никогда не сделаешь здесь ремонт, но ты приноровилась ставить шкаф в нишу и не спотыкаться о порог. Я носила удобные вещи: джинсы с высокой посадкой, свободные свитера, длинные кардиганы. Я не пыталась втиснуть себя в тренды, которые мне не шли. Это был мой панцирь. Теплый, уютный, надежный. И совершенно незаметный.

Тот день начался как обычно. Понедельник. Самый ненавистный день недели. Я сидела на лекции по истории зарубежной литературы, пытаюсь не заснуть под монотонный голос преподавателя, который рассказывал о символизме в поэзии Бодлера. В аудитории было душно, пахло пылью и старыми книгами. Я рисовала в блокноте цветочки, потому что конспектировать этот поток сознания было решительно невозможно.

Внезапно дверь аудитории со скрипом отворилась. Это было настолько неожиданно, что даже наш обычно невозмутимый профессор сбился с мысли и поправил очки. На пороге стоял Максим Орлов.

Он был одет не по погоде — в легкую кожаную куртку по-

верх белой футболки, джинсы, кроссовки. Его темные волосы были слегка взъерошены, а на губах играла та самая полуулыбка, которая, по слухам, сводила с ума половину женского населения кампуса. Он окинул взглядом аудиторию, задержался на пару секунд на пустых местах на задних рядах, и, не извинившись, прошел внутрь. Сел на свободное место у окна, недалеко от меня.

Я почувствовала, как напряглась атмосфера. Девушки впереди меня начали поправлять волосы и шептаться. Парни выпрямили спины. Я же просто опустила глаза в свой блокнот, продолжив рисовать. Мне не было до него дела.

Лекция продолжилась, но я уже не слышала профессора. Я чувствовала на себе взгляд. Не навязчивый, но отчетливый. Он смотрел в мою сторону. Я украдкой бросила взгляд из-под ресниц. Орлов смотрел прямо на меня. Наши глаза встретились на долю секунды, и я тут же отвернулась, чувствуя, как краска заливает щеки. «Показалось», — подумала я. Зачем ему смотреть на меня? В аудитории полно красивых, стройных девушек.

После лекции я быстро собрала вещи, стараясь уйти раньше, чем начнется обычная суeta. Но не успела. Когда я выходила из аудитории, меня окликнули.

— Эй, Ковалева!

Голос был низкий, уверенный. Я обернулась. Орлов стоял, прислонившись к стене, скрестив руки на груди. Он смотрел на меня сверху вниз, потому что был на голову выше.

— Ты меня знаешь? — спросила я, нахмурившись. Глупый вопрос, конечно. Его все знали. Но я-то думала, что я для него — пустое место.

— Алиса. Третий курс, филфак. Верстаешь журнал. Сидишь в библиотеке на третьем этаже у окна. Пьешь чай с лимоном из термоса. — Он перечислял это с такой будничной уверенностью, что мне стало не по себе. — И у тебя нет парня.

Кровь прилила к лицу. Это было грубо. И неожиданно точно.

— Это не твое дело, — отрезала я, разворачиваясь, чтобы уйти.

— Подожди. — Он схватил меня за локоть. Не больно, но достаточно крепко, чтобы остановить. Я замерла. Никто из парней никогда меня так не хватал. — Мне нужно с тобой поговорить. Серьезно.

Я сбросила его руку. Мое сердце колотилось где-то в горле. Что ему нужно? Если это какой-то спор или идиотская шутка, я не собиралась в этом участвовать.

— Говори здесь, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал твердо.

Он огляделся по сторонам. Коридор наполнялся студентами. Парочка девчонок с соседнего потока остановились неподалеку, явно прислушиваясь.

— Не здесь. Давай в кофейне через дорогу. Через час. — Это прозвучало не как просьба, а как приказ.

— С какой стати я должна...

— Это важно, — перебил он. В его глазах промелькнуло что-то похожее на отчаяние. Или мне показалось? — Пожалуйста.

Слово «пожалуйста» из его уст прозвучало так странно, что я на секунду потеряла дар речи. Максим Орлов, который, казалось, никогда никого ни о чем не просил, сказал «пожалуйста» мне. Толстой, незаметной Алисе.

Любопытство — это мой главный враг. Оно погубило не одну кошку, и, видимо, собиралось погубить и меня.

— Ладно, — выдохнула я. — Через час.

Кофейня «Кофе и точка» была популярным местом среди студентов, но в час дня там было относительно свободно. Я пришла первой, заказала себе капучино и села за столик в углу, спиной к стене. Так я чувствовала себя в безопасности. Я нервно крутила в руках телефон, не зная, чего ожидать. Вариантов было два: либо он надо мной издевается, либо ему действительно что-то нужно. Но что может быть нужно самому популярному парню университета от такой, как я?

Он вошел через десять минут. Увидел меня, кивнул и направился к столику, по пути бросив баристе: «Американо, двойной». Сел напротив. Между нами стояла маленькая ваза с искусственным цветком.

Он молчал, глядя в свою чашку. Я тоже молчала, ожидая. Первой начинать разговор не хотелось.

— Слушай, — начал он наконец, поднимая на меня гла-

за. Вблизи они были темно-карими, почти черными. И в них читалась усталость. — Я знаю, это прозвучит странно. Но мне нужна твоя помощь.

— Моя? — я не смогла сдержать усмешки. — Чем я могу помочь тебе?

— Ты можешь... сыграть одну роль.

Я поперхнулась кофе.

— Что, прости?

— Мне нужно, чтобы ты притворилась моей девушкой. На время. Просто для видимости.

Я уставилась на него, как на сумасшедшего. Это была шутка. Должна была быть. Но он не смеялся.

— Ты серьезно? — спросила я, отставляя чашку. — Орлов, ты головой ударился? Почему я? В университете сотни девушек, которые мечтают о такой «роли». Иди и выбери любую.

— В том-то и дело, — он подался вперед, понизив голос. — Мне не нужна фанатка, которая потом будет бегать за мной и требовать продолжения банкета. Мне не нужна девушка из нашей «тусовки», потому что это создаст кучу сплетен и проблем. Мне нужен кто-то... незаметный.

Он сказал это слово, и оно ударило меня под дых. «Незаметный». Вот, значит, как он меня видит. То, что я считала своим панцирем, для него было просто пустым местом. Идеальным для использования.

— То есть, ты хочешь использовать меня как ширму, —

констатировала я. — Как декорацию.

— Нет! — он поморщился. — Не так. Я хочу сказать... Ты не входишь в этот круг. Ты не будешь ничего от меня ждать. Мы просто... поиграем. Пару недель. Мне нужно, чтобы одна девушка от меня отстала. И родители. Они думают, что я все еще с Леной. А я не хочу с ней больше иметь дело. Но если я просто скажу, что мы расстались, будет скандал. А если они увидят, что я с кем-то другим... новым... это решит проблему.

— И ты решил, что «кем-то новым» могу стать я. Толстая филологичка, которая верстает журнал и пьет чай из термоса, — я горько усмехнулась. — Гениальный план. Твои родители подумают, что ты сошел с ума.

— Мне плевать, что они подумают. Главное, чтобы отстали. А Ленка... она увидит, что я не один, и успокоится.

— А если я откажусь?

— Тогда я не знаю, что делать. — Он выглядел действительно потерянным. На секунду в этом самоуверенном красавчике промелькнул обычный парень, запутавшийся в своих проблемах. Но это длилось недолго. Он снова надел маску. — Я заплачу. Сколько скажешь.

Я встала.

— Знаешь что, Орлов? Ты — эгоистичный, самовлюбленный придурок. Ищи себе другую «незаметную» девочку для своих игр. Я в них не участвую.

Я развернулась и пошла к выходу, чувствуя, как дрожат

руки. Злость, обида, унижение — все смешалось в один комок. Как он посмел? Как он посмел подойти ко мне с таким предложением? Я не была вещью, которую можно взять напрокат, чтобы решить свои проблемы.

Я уже почти вышла, когда он крикнул мне вслед:

— Ковалева! Я знаю, что ты заканчиваешь на бюджете. И что тебе нужны деньги на летнюю стажировку в Питере. Я слышал, как ты говорила об этом с куратором.

Я замерла. Это было слишком. Это было подло. Он знал обо мне больше, чем я могла себе представить. Он изучал меня. Как образец. Как вариант для плана.

Я обернулась. Он стоял, засунув руки в карманы куртки. Он знал, что победил.

— Ты следил за мной? — спросила я тихо.

— Нет. Я просто хорошо слушаю, когда люди говорят. — Он пожал плечами. — Ты помогаешь мне. Я помогаю тебе. Это честная сделка. Никаких чувств, никаких обязательств. Просто игра. Через месяц мы «расстаемся», и ты уезжаешь в свой Питер с деньгами на руках. Все в выигрыше.

Я смотрела на него и понимала, что ненавижу. Ненавижу его самоуверенность, его наглость, его красивое лицо и эти темные глаза, которые, казалось, видели меня насквозь. Но еще больше я ненавидела себя за то, что задумалась. Деньги на стажировку. Моя мечта. Летний Питер, белые ночи, библиотека, архивы... Все это было так близко и так недостижимо.

Я села обратно за столик.

— Двадцать тысяч в месяц. Плюс моральный ущерб. Пятьдесят. И ты публично признаешь, что был неправ, когда назвал меня «незаметной».

Он улыбнулся. Улыбнулся искренне, впервые за весь разговор. И от этой улыбки у меня внутри что-то екнуло. Что-то, чему я не хотела давать названия.

— Договорились, Ковалева. С этого момента ты — моя девушка. Понарошку.

Он протянул руку. Я замялась. Я знала, что этот шаг изменит все. Что моя тихая, размеренная жизнь закончится. Что я ввязываюсь в опасную авантюру с самым непредсказуемым человеком в университете. Я знала, что это плохо кончится. Но я протянула руку в ответ.

— Понарошку, — эхом повторила я.

Его ладонь была теплой и сухой. Рукопожатие — крепким. Мы смотрели друг на друга, и я поняла, что подписалась на что-то, что выходит далеко за рамки «простой игры». Я не знала, что это было. Но в глубине души, где-то под слоями жира, комплексов и книжной пыли, что-то дрогнуло. Что-то, что предвещало большие неприятности.

И я, дура такая, улыбнулась в ответ.

Глава 2. (Не) Свидание

Я не спала всю ночь. Лежала в своей комнате в общежитии, уставившись в потолок, на котором расплывались тени от уличных фонарей, и прокручивала в голове наш разговор. «Незаметная». Это слово застряло в голове, как заноза. Я пыталась убедить себя, что он не хотел меня обидеть. Что для него это был комплимент — мол, ты не как все эти девчонки, которые выются вокруг него. Но осадок остался. Горький, как вчерашний кофе.

Утром я выглядела как зомби. Темные круги под глазами, бледная кожа, волосы торчат в разные стороны. Варя, которая жила в соседней комнате и всегда заходила за мной перед первой парой, посмотрела на меня с тревогой.

— Ты чего? — спросила она, протягивая мне стакан с водой. — Опять Булгаков снился? Думаешь, Маргарита — это проекция?

— Хуже, — буркнула я, делая глоток. — Орлов.

Варя замерла. Ее брови поползли вверх.

— Орлов? Максим Орлов? Тот самый? — она присела на

край моей кровати, вцепившись в стакан, как в спасательный круг. — Рассказывай. Немедленно.

И я рассказала. Все. Как он подошел, как предложил, как я сначала отказалась, как он знал про стажировку, и как я согласилась. Варя слушала, открыв рот. Когда я закончила, она молчала долгих тридцать секунд. Потом выдала:

— Ты с ума сошла.

— Знаю.

— Ты в курсе, что он — ходячая катастрофа? Что у него было больше девушек, чем у меня пар носков? Что он...

— Знаю, Варь. Я все знаю. Но двадцать тысяч. Плюс моральный ущерб. Это моя стажировка. Моя мечта. Я не могу отказаться.

Она вздохнула, покачала головой, но спорить не стала. Варя знала, как много для меня значит этот Питер. Она единственная, кому я рассказывала о своих планах — уехать на лето, поработать в архиве, может быть, написать первую серьезную статью. Это был мой шанс вырваться из этого болота хотя бы на пару месяцев.

— Ладно, — сказала она наконец. — Но обещай мне одну вещь.

— Какую?

— Не влюбляйся в него.

Я рассмеялась. Искренне, от души.

— Варя, ты серьезно? Я? В него? Да я его терпеть не могу. Он — самодовольный, наглый, эгоистичный...

— Ага, — перебила она. — И красивый, харизматичный, и, судя по слухам, когда захочет, бывает невероятно милым. Такие, как он, — опасны, Алиса. Особенно для тех, у кого нет опыта. А у тебя его нет.

— Вот именно, — отрезала я. — Нет опыта. Нет иллюзий. Я прекрасно понимаю, что это игра. Деловой контракт. Не больше.

Варя посмотрела на меня долгим взглядом, но ничего не сказала. Просто встала и пошла к двери.

— Пойдем. Опоздаем на семинар. И, кстати, — она обернулась, — тебе нужно выглядеть получше. Если ты теперь

«девушка Орлова», за тобой будут следить.

Это был хороший совет. За завтраком я наскоро накра-силась — немного туши, блеск для губ, — надела свои лучшие джинсы и любимый свитер оверсайз горчичного цвета. Волосы собрала в небрежный пучок. Посмотрела в зеркало. Ну, вроде ничего. Обычная я. Может, чуть более собранная, чем всегда.

На семинаре по русской поэзии Серебряного века я сидела как на иголках. Каждую секунду ждала, что он появится. Но его не было. Ни на семинаре, ни на лекции после, ни в столовой, куда я зашла перекусить с Варей. Странно. Я начала нервничать. Может, он передумал? Может, нашел кого-то получше? «Незаметнее»?

После занятий я пошла в редакцию студенческого журнала. У нас было еженедельное собрание, и я, как обычно, готовила макет. Сидела за компьютером, раскладывала статьи по полосам, когда почувствовала, что кто-то стоит за спиной. Я обернулась.

Он.

Стоял, прислонившись к дверному косяку, и смотрел на меня. В руках — два бумажных стакана с кофе. На губах —

та же полуулыбка.

— Привет, — сказал он, как ни в чем не бывало. — Как дела?

Редакция замерла. Все, кто был в комнате — а там было человек пять, — уставились на нас. Я почувствовала, как кровь приливает к лицу.

— Что ты здесь делаешь? — прошипела я, вставая и подходя к нему. — Здесь нельзя находиться посторонним.

— Я не посторонний, — он протянул мне стакан. — Я твой парень. Забыла?

Он сказал это достаточно громко, чтобы все слышали. Я услышала, как за спиной кто-то ахнул. Кажется, это была Лена из ПР-отдела, которая как раз верстала свою колонку.

— Орлов, — я схватила его за руку и вытащила в коридор, — ты с ума сошел? Мы же договорились...

— Мы договорились, что я тебе плачу, а ты играешь роль, — он спокойно отпил из своего стакана. — Игра началась, Ковалева. Нужно, чтобы все поверили. Слухи распространяются быстро. К завтрашнему дню весь универ будет знать,

что я приходил к тебе в редакцию с кофе. К послезавтрашнему — что мы вместе.

— Но я не готова! Мне нужно время...

— Время — роскошь, которой у нас нет, — он посерьезнел. — Слушай, у меня тоже не все просто. Ленка мне вчера написала. Угрожает. Говорит, если я не вернусь, она расскажет моим родителям про... кое-что. Мне нужно, чтобы они увидели нас вместе. Как можно скорее.

Я вздохнула. Взяла стакан с кофе. Капучино. Мой любимый. Откуда он знал?

— Ладно, — сказала я. — Но давай договоримся о правилах.

— Каких правилах?

— Первое: никаких неожиданных появлений. Предупреждай заранее. Второе: не ври мне. Если что-то меняется, я должна знать. Третье... — я замялась. — Никаких прикосновений без необходимости.

Он поднял бровь.

— Это еще почему?

— Потому что я не хочу, чтобы это выглядело... — я не знала, как сформулировать. — Слишком реалистично.

Он усмехнулся, но кивнул.

— Хорошо. Никаких прикосновений. Если только этого не требует сценарий. Но, Ковалева, — он наклонился ближе, и я почувствовала запах его одеколона — что-то древесное, терпкое, — ты должна понимать: чтобы люди поверили, нам придется проводить время вместе. Много времени. Ты готова к этому?

Я сглотнула.

— Готова.

— Тогда завтра. После пар. Мы идем в кино. Я заеду за тобой в семь.

Он развернулся и ушел, оставив меня стоять в коридоре с остывающим кофе в руках. Из редакции выглядывали любопытные лица. Я сделала глубокий вдох, нацепила на лицо безразличие и вернулась за компьютер.

— Что это было? — прошептала Лена, когда я села обратно.

— Ничего, — сказала я, открывая макет. — Просто... знакомый.

— Знакомый? — она не поверила ни на секунду. — Орлов принес тебе кофе. Орлов. Тебе. Кофе. Это не «просто знакомый». Это...

— Лена, — я посмотрела на нее. — Занимайся своей колонкой. Пожалуйста.

Она замолчала, но я чувствовала, как она сверлит меня взглядом. Весь вечер я ловила на себе любопытные взгляды. Новость разлетелась быстрее, чем я думала. К моменту, когда я вышла из редакции, три человека спросили меня, правда ли, что мы с Орловым вместе. Я отвечала уклончиво: «Пока рано что-то говорить». Это только подогревало интерес.

Дома я долго стояла перед шкафом, выбирая, что надеть. Кино. С Максимом Орловым. Это не настоящее свидание, говорила я себе. Это работа. Но все равно нервничала так, как не нервничала перед самым сложным экзаменом.

В итоге надела простое черное платье — единственное,

которое сидело на мне более-менее прилично, — и кожаную куртку. Волосы оставила распущенными. Посмотрела в зеркало. Ну, вроде ничего. Не топ-модель, но и не чучело.

Ровно в семь раздался звонок в дверь. Я открыла. Он стоял на пороге, в джинсах и сером свитере, с букетом — небольшим, из белых хризантем. Протянул мне.

— Это зачем? — спросила я, растерявшись.

— Цветы. Девушкам дарят цветы, — он пожал плечами. — Или ты хочешь, чтобы соседи подумали, что я плохой парень?

Я взяла букет. Хризантемы. Мои любимые. Опять совпадение?

— Подожди минуту, — сказала я. — Поставлю в воду.

Когда я вернулась, он стоял, разглядывая коридор общежития. Стены были выкрашены в бледно-зеленый, местами облупившийся. На полу — старый линолеум. Пахло хлоркой и чем-то жареным.

— Ты здесь живешь? — спросил он.

— Да. А что?

— Ничего. Просто... — он не закончил фразу. — Пойдем.

Мы вышли на улицу. Уже стемнело. Горели фонари, пахло осенью — сырой листвой и дождем, который только что прошел. Он открыл передо мной дверцу своей машины — черной иномарки, которую я видела на парковке у универа. Я села внутрь. Кожаный салон, запах дорогого парфюма, приглушенный свет. Я почувствовала себя неуютно. Слишком не мой мир.

— Куда мы едем? — спросила я, когда он завел мотор.

— В «Синема Парк». Там сейчас идет новый фильм. Что-то про апокалипсис. Говорят, неплохо.

— Я не люблю апокалипсис.

— А что ты любишь?

Я задумалась. Никто никогда не спрашивал меня об этом. Просто предполагали, что я должна любить. Мелодрамы. Комедии про любовь. Что-то «для девочек».

— Документальное кино. И старые фильмы. Тарковский,

Феллини...

Он усмехнулся.

— Ну конечно. Филологичка.

— А что, это плохо?

— Нет. Просто предсказуемо.

Мы ехали молча. Я смотрела в окно на проплывающие огни города. Нервничала. Не знала, как себя вести. Это было странно — сидеть в машине с самым популярным парнем университета и чувствовать себя при этом абсолютно чужой.

В кинотеатре он купил билеты, попкорн и две колы. Я попыталась заплатить, но он отмахнулся.

— Я пригласил — я плачу.

— Это же не настоящее свидание.

— Какая разница? — он посмотрел на меня. — Люди не знают, что это игра. Для них мы — пара. А в паре платит тот, кто пригласил.

Мы сели на последний ряд. Свет погас, начались трейлеры. Я сидела, сжавшись, стараясь занимать как можно меньше места. Он, наоборот, развалился в кресле, закинув руку на спинку моего сиденья. Я чувствовала его близость. Это было... странно. Не неприятно, но непривычно. Я никогда не сидела так близко с парнем.

Фильм оказался именно тем, что я ожидала — громким, пафосным, с кучей спецэффектов и минимумом смысла. Я смотрела вполглаза, больше думая о том, что происходит. О том, что я сижу в кино с Максимом Орловым. Что завтра об этом узнает весь универ. Что я теперь «девушка» самого красивого парня.

В середине фильма он наклонился ко мне.

— Скучно?

— Немного.

— Хочешь уйти?

Я удивленно посмотрела на него.

— Мы же только пришли.

— И что? — он пожал плечами. — Если тебе не нравится, зачем мучиться?

Мы вышли из зала. На улице было прохладно. Он предложил пойти в кафе. Я согласилась. Мы нашли маленькую кофейню неподалеку, сели у окна. Я заказала чай, он — еще один американо.

— Расскажи о себе, — сказал он неожиданно.

— Что? Зачем?

— Ну, мы же «встречаемся». Люди обычно что-то знают друг о друге. Если нас спросят, я должен уметь ответить.

Это был логичный аргумент. Но что я могла ему рассказать? Что я — толстая девочка, которая всю жизнь пряталась за книгами? Что у меня никогда не было парня? Что я боюсь, что меня отвергнут, и поэтому даже не пытаюсь?

— Я родилась в маленьком городе. Приехала сюда учиться. Живу в общежитии. Люблю книги. Не люблю внимание. Все, — сказала я.

— Слишком мало, — он отпил кофе. — Любимый цвет?

— Зеленый.

— Любимая еда?

— Паста. С сыром.

— Любимая книга?

— «Мастер и Маргарита».

— Предсказуемо, — он улыбнулся. — А я люблю «Три товарища». Ремарк. Читала?

— Конечно.

— И как тебе?

— Грустно. Красиво. Про настоящую дружбу и любовь, которая сильнее смерти.

Он кивнул.

— Согласен.

Мы просидели в кафе почти два часа. Говорили о книгах, о музыке, о фильмах. Оказалось, что он неплохо разбирается

в литературе — не так, как филологи, но с интересом. Он рассказал, что в детстве много читал, потому что родители постоянно были на работе, а он оставался один. Что книги были его друзьями.

— А сейчас? — спросила я.

— Сейчас некогда. Баскетбол, учеба, дела отца... — он поморщился. — Иногда хочется просто побыть одному. Но не получается.

Я впервые увидела его с другой стороны. Не самодовольного красавчика, а уставшего парня, который несет на себе груз ожиданий. Может, поэтому он и придумал эту игру с фиктивными отношениями? Чтобы сбежать от реальности?

Когда мы вышли из кафе, было уже поздно. Он повез меня домой. У общежития остановился, заглушил мотор.

— Спасибо за вечер, — сказала я, потянувшись к ручке двери.

— Подожди, — он взял меня за руку. Я замерла. — Завтра в универе. Нам нужно вести себя как пара. Держаться за руки. Обниматься. Может быть, даже...

— Поцелуй — это слишком, — перебила я.

— Я не про поцелуй. Просто... не шарахайся от меня. Люди смотрят.

Я кивнула. Он отпустил мою руку. Я вышла из машины и пошла к общежитию, чувствуя на себе его взгляд. Уже в комнате я поняла, что улыбаюсь. Глупо, идиотски. Как дура.

«Не влюбляйся», — сказала Варя. «Это просто игра», — сказала я себе.

Но где-то глубоко внутри, в самом темном уголке, куда я боялась заглядывать, что-то шевельнулось. Что-то опасное. Что-то, что могло все разрушить.

Я легла спать, и мне снились его глаза. Темные, почти черные. И голос, который говорил: «Расскажи о себе».

Утром я проснулась с четким пониманием: я вляпалась. По-крупному. И обратного пути нет.

Глава 3. (Не) Пара

Утро началось с того, что я не узнала свой телефон. Экран светился от уведомлений. Двадцать три сообщения в студенческом чате, восемь — в личке, три пропущенных звонка от Вари и один — от незнакомого номера. Я открыла чат.

«Ковалева и Орлов??? Это правда???»

«Видела их вчера в Синема Парке! Держались за руки!»

«Алиса, ты почему молчишь? Расскажи!»

«Орлов променял Ленку на филологичку? Серьезно?»

Последнее сообщение было от Лены. Она писала в общий чат, не стесняясь в выражениях.

«Ну удачи, Ковалева. Он тебя бросит через неделю. Как всех».

Я отложила телефон. Сердце колотилось. Вот и началось. Я знала, что будет так. Знала, что сплетни разлетятся мгновенно. Но одно дело — знать, другое — проснуться и увидеть это своими глазами.

Варя влетела в мою комнату без стука.

— Ты видела?! — она размахивала телефоном. — Ты это видела?!

— Видела, — я села на кровати. — Доброе утро.

— Какое там доброе! — она плюхнулась рядом. — Ленка вне себя. Она вчера написала пост в инстаграме. Что-то типа «некоторые думают, что могут занять мое место, но они

ошибаются». Все поняли, о чем это.

— Пусть пишет. Мне все равно.

— Тебе все равно? Алиса, она тебя уничтожит. Она знает всех. Она...

— Варя, — я взяла ее за руку. — Успокойся. Я знала, на что иду. Это игра. Через месяц все закончится. Ленка успокоится. Все забудут.

Варя посмотрела на меня так, будто я сказала, что собираюсь прыгнуть с моста.

— Ты в это веришь? — спросила она тихо.

Я не ответила. Потому что не верила. Ни на секунду.

На первой паре я чувствовала себя как экспонат в музее. Все смотрели. Шептались. Показывали пальцами. Я села на свое обычное место у окна, достала тетрадь и попыталась сосредоточиться на лекции. Не получалось. Слова преподавателя превращались в белый шум.

На перемене ко мне подошла девушка из параллельной группы. Кажется, ее звали Катя. Симпатичная, стройная, с длинными светлыми волосами. Она всегда была в числе тех, кто пользовался популярностью. Мы никогда не общались.

— Алиса, привет, — она улыбнулась, но улыбка была натянутой. — Слушай, это правда? Ты и Орлов?

— А что? — я посмотрела на нее.

— Просто... странно. Вы такие разные. — Она окинула меня взглядом. Быстрым, но оценивающим. Я почувствовала, как краска заливает щеки. — Ну, в смысле, он всегда с

такими... — она не закончила.

— С какими? — спросила я, хотя знала ответ.

— Ну, ты поняла. — Она пожала плечами. — Ладно, забудь. Удачи.

Она ушла. Я осталась стоять в коридоре, чувствуя, как внутри все сжимается. «С такими». Я знала, что она имела в виду. С красивыми. Стройными. С теми, кто вписывается в стандарты. А я — не вписывалась.

После второй пары я пошла в библиотеку. Мне нужно было побыть одной. Я села на свое место у окна на третьем этаже, достала книгу, но не читала. Просто смотрела в окно на серое небо и думала о том, что я делаю.

— Можно?

Я обернулась. Орлов стоял рядом, с рюкзаком на одном плече. Выглядел он, как всегда, безупречно. Свежая рубашка, джинсы, кроссовки. И улыбка, которая, казалось, говорила: «Я знаю, что ты обо мне думаешь, и мне это нравится».

— Ты меня преследуешь? — спросила я.

— Я учусь здесь, — он сел напротив. — И, вообще, я твой парень. Мне положено знать, где ты.

— Фиктивный парень.

— Не важно. — Он достал ноутбук. — Как дела?

— Отвратительно.

— Почему?

Я посмотрела на него.

— Потому что весь универ обсуждает нас. Потому что Ле-

на пишет посты с намеками. Потому что ко мне подходят незнакомые люди и спрашивают, как я его заполучила. — Я сделала паузу. — И потому что одна девушка только что назвала меня «странным выбором».

Он поморщился.

— Кто?

— Не важно.

— Ковалева, — он закрыл ноутбук и посмотрел на меня серьезно. — Ты должна перестать реагировать на них. Это часть плана. Они будут говорить. Всегда. Но это не имеет значения. Через месяц мы расстанемся, и они забудут.

— А если не забудут?

— Забудут, — он сказал это с такой уверенностью, что я почти поверила. — Люди быстро переключаются. Сегодня мы — новость, завтра — кто-то другой.

Я вздохнула.

— Ты всегда так спокоен?

— Нет, — он неожиданно улыбнулся. — Только когда рядом кто-то, кто паникует больше меня. Это отвлекает.

Я не смогла сдержать улыбку. Он заметил это и подмигнул.

— Вот. Уже лучше.

Мы просидели в библиотеке часа два. Я делала конспект по статье о Цветаевой, он что-то печатал в ноутбуке. Иногда он отвлекался, смотрел на меня, но ничего не говорил. Мне было... спокойно. Странно, но спокойно. Как будто мы были

просто двумя студентами, которые вместе готовятся к экзаменам. Обычная жизнь. Нормальные отношения.

Но это была не нормальная жизнь. Это была игра.

В четыре часа он закрыл ноутбук.

— Пойдем. Я обещал тебя проводить.

— Мне не нужно, чтобы меня провожали.

— Мне нужно, чтобы тебя видели со мной. Чем больше людей увидят, тем быстрее поверят.

Мы вышли из библиотеки. Он взял меня за руку. Я вздрогнула. Его ладонь была теплой, большой, и она полностью накрыла мою. Я чувствовала себя маленькой. Глупо, но приятно.

— Расслабься, — прошептал он. — Ты выглядишь так, будто я тебя арестовываю.

— Я просто... не привыкла.

— К чему?

— К тому, что кто-то держит меня за руку.

Он посмотрел на меня. В его глазах промелькнуло что-то — удивление? Жалость? — но тут же исчезло.

— Никогда?

— Никогда.

Он не сказал ничего. Просто крепче сжал мою руку. Мы шли по коридору, и я чувствовала на себе взгляды. Десятки взглядов. Шепот за спиной. Но впервые за день мне было все равно. Потому что его рука была теплой. И это было... приятно.

Он довел меня до общежития. У входа остановился.

— Завтра. После пар. Мы идем на ужин с моими родителями.

Я замерла.

— Что?!

— Спокойно. Это часть плана. Они хотят познакомиться с моей «девушкой». Я сказал, что мы вместе. Теперь нужно это подтвердить.

— Орлов, я не готова. Я не умею общаться с... с такими людьми.

— С какими? — он поднял бровь.

— С богатыми. С теми, кто живет в другом мире.

Он вздохнул.

— Ковалева, они обычные люди. Ну, почти. Просто будь собой. Не ври. Не притворяйся. Они это чувствуют.

— А если я им не понравлюсь?

— Это не имеет значения, — он сказал это слишком быстро. Слишком уверенно. — Через месяц мы все равно «расстанемся».

Я кивнула. Но внутри что-то сжалось. «Не имеет значения». Конечно. Почему это должно иметь значение? Это же игра.

— Во сколько? — спросила я.

— В семь. Я заеду. И, Алиса, — он впервые назвал меня по имени, не «Ковалева», — надень что-нибудь... ну, знаешь. Платье. Что-то нормальное.

Я посмотрела на него.

— У меня нет «нормальных» платьев.

— Тогда купи. Вот, — он достал из кармана конверт и протянул мне. — Здесь деньги. На платье и на все остальное.

Я уставилась на конверт.

— Ты серьезно?

— Это часть сделки.

— Мы не договаривались об этом.

— Теперь договариваемся. — Он вложил конверт мне в руку. — Не спорь. Просто возьми.

Он развернулся и ушел. Я стояла с конвертом в руках, чувствуя, как земля уходит из-под ног. Это было слишком. Слишком быстро. Слишком странно. Я не знала, что делать.

Дома я открыла конверт. Внутри было десять тысяч. На платье. Я никогда не держала в руках такие деньги на одежду. Максимум, что я могла себе позволить — джинсы в масс-маркете на распродаже. А тут — десять тысяч. На одно платье.

Варя, конечно, узнала. Она всегда все узнавала.

— Ты идешь знакомиться с его родителями?! — она чуть не уронила чашку. — Алиса, это серьезно.

— Это не серьезно. Это игра.

— Игра, в которой ты познакомишься с его родителями. Ты понимаешь, что это значит?

— Что?

— Что он хочет, чтобы они поверили. По-настоящему.

Это не просто «погулять за ручку». Это следующий уровень. Я задумалась. Она была права. Но отступить было поздно. — Ладно, — сказала я. — Тогда помоги мне выбрать платье. У меня завтра ужин.

Мы пошли в торговый центр. Я чувствовала себя неудобно среди блестящих витрин и манекенов с идеальными фигурами. Варя тащила меня по магазинам, выбирая платья, которые, по ее мнению, могли мне подойти.

— Вот это, — она протянула мне темно-зеленое платье. — Под цвет глаз.

Я взяла его. Пошла в примерочную. Надела. Посмотрела в зеркало.

Платье сидело хорошо. Оно не обтягивало, но и не висело. Мягко драпировалось, подчеркивая грудь и скрывая живот. Рукава были длинными, кружевными. Я выглядела... красивой. Впервые за долгое время я почувствовала себя красивой.

— Берем, — сказала Варя из-за шторы.

Я посмотрела на ценник. Восемь тысяч. Дорого. Но у меня были деньги Орлова. И это была часть сделки.

— Берем, — согласилась я.

Вечером я не могла найти себе места. Завтра. Ужин. С его родителями. Я представляла, как они смотрят на меня — толстую, неуклюжую, не из их круга. Как они переглядываются. Как вежливо улыбаются, но думают: «Что наш сын нашел в ней?»

Я почти не спала. Утром накрасилась тщательнее обычно. Сделала укладку — насколько это было возможно с моими непослушными волосами. Надела платье. Посмотрела в зеркало.

Ну, вроде ничего. Не топ-модель. Но и не чучело. Может, даже симпатичная.

Ровно в семь он позвонил в дверь. Я открыла. Он стоял в костюме — темно-синем, идеально сидящем. Белая рубашка, без галстука. Волосы уложены. Он выглядел... взрослым. И очень красивым.

— Ты... — он посмотрел на меня. Задержался взглядом на платье. — Ты хорошо выглядишь.

— Спасибо, — я почувствовала, как краснею.

— Пойдем. Машина ждет.

Мы ехали молча. Я нервно теребила сумочку. Он смотрел на дорогу.

— Не бойся, — сказал он вдруг. — Они не кусаются.

— А если я скажу что-то не то?

— Скажешь — исправим. Главное — не молчи. Мама не любит, когда молчат.

Ресторан, куда мы приехали, был шикарным. Высокие потолки, хрустальные люстры, официанты в белых перчатках. Я почувствовала себя Золушкой на балу. Только без феи-крестной.

Его родители уже сидели за столиком. Отец — крупный мужчина в дорогом костюме, с властным лицом. Мать

— стройная женщина в элегантном платье, с безупречной укладкой. Они выглядели как пара из журнала.

— Максим, — мать поднялась, поцеловала его в щеку. Посмотрела на меня. — А это, должно быть, Алиса.

— Да, — он взял меня за руку. — Мама, папа, это Алиса. Моя девушка.

Я улыбнулась. Натянута, но вежливо.

— Очень приятно.

— Наслышаны о вас, — отец пожал мне руку. Крепко. — Максим много о вас рассказывал.

Я посмотрела на Орлова. Он рассказывал? Что он мог рассказать?

Мы сели. Начался ужин. Я чувствовала себя не в своей тарелке. Приборы были слишком блестящими, меню — слишком сложным, а вопросы — слишком личными.

— Алиса, чем вы занимаетесь? — спросила мать.

— Учусь на филологическом. Русская литература.

— Прекрасно. Это так... интеллектуально. Максим всегда любил начитанных девушек.

Я бросила взгляд на Орлова. Он едва заметно улыбнулся.

— А где вы живете?

— В общежитии.

— В общежитии? — мать подняла бровь. — Как интересно.

Я почувствовала, как сжимается горло. «Как интересно». Она не сказала это с осуждением. Но я слышала. В обще-

житии. Бедная студентка. Не из нашего круга.

— Мама, — вмешался Орлов. — Алиса — лучшая на курсе. Она пишет статьи, публикуется в журналах. У нее блестящее будущее.

Я удивленно посмотрела на него. Он знал это? Откуда?

Мать кивнула.

— Похвально. А родители у вас кто?

— Мама — учительница. Папа... — я замялась. — Папа ушел из семьи, когда я была маленькой.

За столом повисла тишина. Я почувствовала, как краснею. Зачем я это сказала? Можно было соврать. Придумать что-то. Но я не умела врать. Особенно о таком.

— Простите, — сказала мать. — Это, должно быть, было тяжело.

— Ничего, — я попыталась улыбнуться. — Мы справились.

Орлов под столом взял меня за руку. Сжал. Я посмотрела на него. Он смотрел на родителей.

— Алиса — сильная. Она всего добилась сама. И я уважаю ее за это.

Я замерла. Это было... неожиданно. Он говорил это не как актер. Он говорил это как человек, который действительно так думает.

Отец кивнул.

— Это хорошо. Самостоятельность — важное качество.

Ужин продолжился. Я отвечала на вопросы, стараясь не

сказать ничего лишнего. Мать была вежлива, но холодна. Отец — более открыт. Он расспрашивал о моей учебе, о планах. Я рассказывала о стажировке в Питере. Он одобрительно кивал.

Когда ужин закончился, родители попрощались. Мать поцеловала Орлова в щеку, мне кивнула.

— Было приятно познакомиться, Алиса. Надеюсь, увидимся еще.

— Взаимно, — сказала я.

Мы вышли из ресторана. Я чувствовала себя выжатой. Как лимон. Но в то же время — странно. Как будто я сдала сложный экзамен. И сдала неплохо.

В машине Орлов молчал. Я тоже. Мы ехали по ночному городу, и я смотрела на огни.

— Ты справилась, — сказал он наконец.

— Думаешь?

— Да. Мама редко кого-то хвалит. А она сказала, что хочет увидеть тебя еще.

— Это ничего не значит. Она просто вежлива.

— Ковалева, — он усмехнулся. — Ты не знаешь мою маму. Она не вежлива. Она — стратег. Если она сказала, что хочет увидеть тебя еще, значит, ты ей понравилась.

Я не поверила. Но что-то внутри дрогнуло.

Он остановился у общежития. Заглушил мотор.

— Спасибо, — сказала я. — За ужин. За то, что был рядом.

— Это часть сделки.

— Знаю, — я потянулась к ручке. — Но все равно спасибо.

— Алиса, — он взял меня за руку. Я обернулась. — Ты действительно хорошо выглядела сегодня. Я не говорил это из вежливости.

Я замерла. Его глаза смотрели на меня. Темные, почти черные. И в них было что-то, чего я не видела раньше. Что-то, от чего у меня перехватило дыхание.

— Спасибо, — прошептала я.

Он отпустил мою руку. Я вышла из машины. Пошла к общежитию. У двери обернулась. Он все еще смотрел на меня. Я помахала рукой. Он кивнул.

Дома я села на кровать и закрыла лицо руками. Сердце колотилось. В голове было пусто. Только одна мысль, навязчивая, как заноза: «Не влюбляйся. Не влюбляйся. Не влюбляйся».

Но было поздно. Я уже чувствовала, что тону. И не было ни спасательного круга, ни берега. Только он. Максим Орлов. Парень, который играл со мной. И который, сам того не зная, разбивал мне сердце.

Глава 4. (Не) Привычка

Прошла неделя. Потом две. Я перестала считать дни. Жизнь разделилась на «до» и «после» — и в «после» всё было странно, ярко и до тошноты неправильно.

Мы с Орловым виделись каждый день. Не потому что хотели — потому что так было нужно. Утром он встречал меня у общежития с кофе. Капучино для меня, американо для себя. Мы шли в универ вместе, держась за руки. На лекциях сидели рядом — он на заднем ряду, я на своём обычном месте у окна, но теперь между нами не было пустых кресел. Он пересаживался. Каждый раз. И каждый раз я делала вид, что не замечаю.

В столовой он садился напротив меня, забирал мою тарелку с сосисками в тесте и говорил:

— Ты не будешь это есть.

— Это мои деньги. Что хочу, то и ем.

— Ты будешь это есть, — он ставил передо мной салат и курицу. — Поверь, я знаю, что говорю.

Я злилась. Но ела. И, честно говоря, чувствовала себя лучше. Не потому что салат был вкуснее — он был пресным и скучным, — а потому что кто-то впервые в жизни заботился о том, что я ем. Даже если это был фиктивный парень.

Мы гуляли по парку после пар. Сидели на скамейках, говорили ни о чём. Он рассказывал про баскетбол, про отца,

который хотел, чтобы он пошёл в бизнес, а не в спорт. Я рассказывала про книги, про маму, которая звонила каждое воскресенье и спрашивала, не встретила ли я кого-нибудь. Я не говорила ей про Орлова. Не потому что врала — просто не знала, как объяснить. «Мама, я встречаюсь с самым популярным парнем университета. Но это не по-настоящему. Он платит мне деньги». Как-то не звучало.

По вечерам мы переписывались. Сначала по делу: «Завтра в 10 у главного корпуса», «Не забудь, в пятницу ужин у твоих», «Ленка спрашивала про нас, я сказал, что мы счастливы». Потом — просто так. Он скидывал мемы. Я отвечала смайликами. Он спрашивал, что я читаю. Я отвечала. Он говорил, что Ремарк лучше Булгакова. Я спорила.

Это было похоже на отношения. Настоящие. И это было самое страшное.

Я знала, что это игра. Знала, что через месяц всё закончится. Знала, что он не испытывает ко мне ничего, кроме, может быть, лёгкой симпатии — как к человеку, с которым приятно провести время. Но моё глупое, голодное до внимания сердце не хотело этого знать. Оно тянулось к нему. Как растение к солнцу. Как мотылёк к огню.

Варя видела это. И молчала. Только иногда смотрела на меня так, будто хотела что-то сказать, но не решалась. А потом всё-таки не выдержала.

— Ты влюбилась, — сказала она однажды вечером, когда мы сидели у меня в комнате и ели мороженое.

— Нет, — соврала я.

— Алиса.

— Что?

— Ты влюбилась. Я вижу.

Я отложила ложку.

— Это не имеет значения. Через две недели мы расстанемся. Он получит своё. Я получу своё. Все будут счастливы.

— А ты?

Я не ответила. Потому что не знала.

На следующий день случилось то, что должно было случиться рано или поздно. Лена.

Я шла по коридору после семинара, когда она появилась из ниоткуда. Словно ждала меня. Рядом с ней стояли две её подруги — одинаковые, как клоны, с идеальными волосами и идеальными улыбками.

— Алиса, — она преградила мне путь. — Можно поговорить?

— Мы не знакомы, — сказала я, пытаюсь обойти её.

Она схватила меня за руку. Не больно, но достаточно, чтобы остановить.

— Я Лена. Девушка Максима.

— Бывшая, — уточнила я. — Насколько я знаю.

Она усмехнулась. Красиво, но холодно.

— Слушай, я не знаю, что он тебе сказал. Может, что я сумасшедшая. Может, что я его преследую. Но я хочу, чтобы ты знала правду. Он использует тебя. Ты — просто ширма.

Он не любит тебя. Он вообще никого не любит. Он не умеет.

Я почувствовала, как что-то сжимается в груди. Она говорила то, что я и так знала. Но слышать это от неё было больнее. Потому что она говорила с уверенностью человека, который знает его дольше и лучше.

— Спасибо за информацию, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Но это не твоё дело.

— Это моё дело, — её глаза сузились. — Потому что он мой. Он всегда будет моим. Ты — временная. Игрушка. Он бросит тебя, как только наиграется.

— Если ты так уверена, зачем ты здесь? — спросила я. — Если он всегда будет твоим, зачем ты тратишь время на меня?

Она замолчала. Её подруги переглянулись. Я попала в точку.

— Потому что ты — никто, — сказала она наконец. — Толстая, нищая, жалкая. Я не понимаю, что он в тебе нашёл. Но это ненадолго. Я подожду.

Она развернулась и ушла. Её подруги последовали за ней. Я осталась стоять в коридоре. Руки дрожали. Глаза жгло. Я не заплачу. Не здесь. Не при них.

Я зашла в туалет, закрылась в кабинке и простояла там десять минут. Дышала. Считала до ста. Потом вышла, умылась холодной водой и пошла на следующую пару.

Он ждал меня у аудитории. Стоял, прислонившись к стене. Увидел меня — и что-то в его лице изменилось.

— Что случилось?

— Ничего.

— Алиса. Ты плакала.

— Я не плакала. Просто умылась.

Он взял меня за подбородок, повернул к свету. Я попыталась отстраниться, но он не отпустил.

— Кто?

— Никто.

— Ковалева.

— Лена, — сдалась я. — Она подошла. Сказала, что ты меня используешь. Что ты не умеешь любить. Что я — временная.

Он убрал руку. В его глазах промелькнула злость. Настоящая.

— Она не должна была этого делать.

— Почему? Она права.

— Нет, — он сказал это резко. — Она не права.

Я посмотрела на него.

— Правда?

— Правда, — он вздохнул. — Лена видит только то, что хочет видеть. Она не знает меня. Она знает только ту версию, которую я ей показывал. Красивого парня с обложки. А ты... — он замолчал.

— Что я?

— Ты видишь меня настоящего. И не убегаешь.

Я не знала, что сказать. Он смотрел на меня, и в его глазах

было что-то, от чего у меня перехватывало дыхание. Что-то, что я боялась назвать.

— Пойдём, — сказал он, взяв меня за руку. — Пропустим пару. Я знаю одно место.

Мы вышли из универа. Он вёл меня через дворы, мимо старых домов, по узким улочкам, которых я никогда не видела. Мы шли минут двадцать. Наконец остановились у небольшого сквера. Там был пруд, покрытый ряской, и старая беседка.

— Что это за место? — спросила я.

— Я прихожу сюда, когда хочу побыть один. Никто не знает.

— Зачем ты привёл меня?

Он посмотрел на меня.

— Потому что ты — не никто.

Мы сели в беседке. Я смотрела на воду. Он смотрел на меня.

— Лена сказала, что ты не умеешь любить, — сказала я тихо. — Это правда?

Он молчал долго. Так долго, что я подумала, что он не ответит.

— Я не знаю, — сказал он наконец. — Я никогда не любил. По-настоящему. Я встречался с девушками. Много. Но это было... как спорт. Как игра. Я не позволял себе привязываться.

— Почему?

— Потому что это больно. Когда привязываешься, тебя могут ранить. Предать. Оставить. Я не хочу этого.

Я посмотрела на него. Впервые я увидела его настоящего. Не красавчика, не капитана команды, не сына декана. А просто парня. Испуганного. Одинокого. Такого же, как я.

— Я тоже боюсь, — сказала я. — Я никогда ни с кем не встречалась. Потому что боюсь, что меня отвергнут. Что я недостаточно хороша. Что я — толстая, и никому не нужна.

Он взял меня за руку. Сжал.

— Ты не толстая, — сказал он. — Ты красивая.

— Не надо врать.

— Я не вру, — он посмотрел на меня. — Я вижу тебя. По-настоящему. И ты красивая. Просто ты сама этого не видишь.

Я почувствовала, как слёзы подступают к глазам. Я не хотела плакать. Но не могла остановиться. Он притянул меня к себе. Обнял. Я уткнулась лицом в его плечо и заплакала. Тихо, беззвучно. Он гладил меня по спине. Молчал.

Мы сидели так долго. Я не знала, сколько прошло времени. Мир вокруг перестал существовать. Был только он. Его тепло. Его запах. Его руки.

Когда я успокоилась, он отстранился. Посмотрел на меня.

— Ты в порядке?

— Да, — я вытерла слёзы. — Прости.

— Не извиняйся.

Он наклонился. Ближе. Ещё ближе. Я замерла. Сердце

остановилось. Он собирался поцеловать меня. Я видела это. Чувствовала.

Но он остановился. В последний момент. Отстранился.

— Извини, — сказал он. — Я не должен.

— Почему?

— Потому что это игра. А игры не должны становиться реальностью.

Я кивнула. Но внутри что-то оборвалось. Что-то, что я только что начала собирать.

Мы вернулись в универ. Он довёл меня до аудитории. Не поцеловал. Не обнял. Просто кивнул.

— Увидимся завтра.

— Да. До завтра.

Он ушёл. Я стояла и смотрела ему вслед. Внутри было пусто. И больно. И я поняла, что Варя была права. Я влюбилась. По-настоящему. В парня, который никогда не полюбит меня в ответ.

Вечером я сидела в комнате и смотрела в стену. Телефон завибрировал. Сообщение от него.

«Прости за сегодня. Я не хотел тебя расстраивать».

Я смотрела на экран. Долго. Потом набрала:

«Всё нормально. Это игра. Я помню».

Он не ответил. Я тоже больше не писала. И впервые за две недели я почувствовала себя по-настоящему одинокой. Как раньше. До него.

Но это было не так. Раньше я не знала, что такое — когда

тебя обнимают. Когда за тебя переживают. Когда смотрят на тебя так, будто ты — целый мир. Теперь я знала. И потерять это было страшнее, чем не иметь никогда.

Я легла спать и долго не могла заснуть. В голове крутилась одна мысль: «Что если он тоже что-то чувствует? Что если это не только игра?»

Но я гнала эту мысль. Потому что надежда — самое опасное чувство. Она может убить. Медленно. Изнутри.

Глава 5. (Не) Привычка

После того вечера в беседке что-то сломалось. Или, наоборот, починилось — я не могла понять. Мы продолжали играть свои роли, но теперь между нами висела недосказанность. Тяжёлая, как мокрое пальто. Он больше не пытался меня поцеловать. Я больше не ждала. Или делала вид, что не ждала.

Но иногда я ловила его взгляд. Задумчивый. Станный. Как будто он пытался что-то решить. Что-то, что не имело отношения к нашей сделке. А потом он моргал, и взгляд исчезал. Оставалась только маска. Улыбка. Роль.

Я ненавидела эту маску. Ненавидела себя за то, что хотела видеть под ней что-то настоящее. Ненавидела его за то, что он не позволял.

Прошло ещё три дня. Мы ходили на лекции, ели в столовой, гуляли. Всё как обычно. Но я стала замечать детали. Как он открывает передо мной двери. Как запоминает, что я не люблю корицу в кофе. Как поправляет мой шарф, когда он сползает. Мелочи. Но из этих мелочей складывалось что-то большое. Что-то, что пугало меня больше, чем его холодность.

В четверг он написал: «Завтра идём на вечеринку. У моего друга. Надо, чтобы нас увидели вместе».

Я смотрела на сообщение и чувствовала, как внутри всё

сжимается. Вечеринка. Его мир. Громкая музыка, яркие огни, красивые девушки в коротких платьях. Я там буду чужой. Белой вороной. Толстой филологичкой среди моделей.

«Я не хочу», — написала я.

«Надо».

«Почему?»

«Потому что Лена там будет. И мои родители будут спрашивать. И вообще. Это часть плана».

Я вздохнула и отложила телефон. Потом взяла его снова.

«Ладно. Во сколько?»

«В восемь. Я заеду. Надень что-нибудь... красивое».

Красивое. У меня не было красивого. Было то самое платье, в котором я ходила на ужин с его родителями. Тёмно-зелёное, с кружевными рукавами. Оно мне шло. Но это было единственное. И надевать его снова казалось... неправильным. Как будто я признавала, что у меня больше ничего нет.

Я позвонила Варе.

— Мне нужно платье. На вечеринку.

— У тебя есть платье. То самое.

— Оно уже было.

— И что? Никто не запомнит. Надень его.

— Варя, там будет Лена. Она будет в чём-то от кутюр. А я — в платье за восемь тысяч, которое уже все видели.

— Алиса, — голос Вари стал серьёзным. — Послушай меня. Ты идёшь туда не для того, чтобы произвести впечатление на Лену. Ты идёшь туда, потому что должна играть роль.

Надень то, в чём чувствуешь себя уверенно. И всё.

Я вздохнула.

— Ладно. Но если я буду выглядеть как дура, я тебя убью.

— Договорились.

В пятницу я весь день не могла найти себе места. Пары тянулись бесконечно. Орлов сидел рядом на лекции, что-то писал в телефоне. Я смотрела на его руки. Длинные пальцы, чистые ногти, тонкое запястье. Красивые руки. Я отвернулась.

После последней пары он подошёл ко мне.

— Готова?

— Нет.

— Это нормально. Я тоже не люблю эти вечеринки.

— Тогда зачем мы идём?

— Потому что надо, — он посмотрел на меня. — И потому что я хочу, чтобы ты увидела, что там не так страшно. Люди как люди. Просто громче и ярче.

Я не поверила. Но кивнула.

Домой я вернулась в пять. Приняла душ. Долго стояла перед зеркалом в полотенце, разглядывая себя. Складки на животе. Полные руки. Бёдра. Я не была уродливой. Я была... обычной. Но рядом с ним я чувствовала себя неправильной. Слишком большой. Слишком заметной. Слишком не такой.

Я надела платье. Посмотрела в зеркало. Вроде ничего. Волосы оставила распущенными — они у меня были длинные, густые, каштановые. Единственное, что мне в себе нрави-

лось. Накрасилась. Тёмная помада. Тушь. Немного румян.

Ровно в восемь он позвонил.

Я открыла дверь. Он стоял в чёрной рубашке, застёгнутой почти доверху, и тёмных джинсах. Выглядел... опасно. Красиво. Слишком.

Он посмотрел на меня. Долго. Я почувствовала, как краснею.

— Что? — спросила я. — Что-то не так?

— Всё так, — сказал он. — Ты красивая.

— Ты уже говорил это.

— Это не значит, что перестало быть правдой.

Мы сели в машину. Я нервно теребила сумочку. Он включил музыку. Что-то спокойное. Джаз. Я удивлённо посмотрела на него.

— Что? — он усмехнулся. — Я не только баскетбол и рэп слушаю.

— Я такого не говорила.

— Но подумала.

Я отвернулась к окну. Он видел меня насквозь. Это пугало. И притягивало.

Вечеринка проходила в загородном доме. Большом, современном, с панорамными окнами и огромной террасой. Уже на подъезде было слышно музыку. Басы отдавались в груди. Я почувствовала, как сжимается горло.

— Я не могу, — сказала я. — Давай уедем.

— Не можешь — значит, сможешь, — он взял меня за

руку. — Я рядом.

Мы вошли. Внутри было полно народу. Красивые девушки в коротких платьях. Парни в рубашках. Все улыбались. Все держали бокалы. Все были из другого мира.

На нас сразу обратили внимание. Орлов — он всегда был центром. Я — потому что была рядом с ним. Я чувствовала взгляды. Оценивающие. Любопытные. Некоторые — враждебные.

— Макс! — кто-то крикнул из толпы. — Ты пришёл!

К нам подошёл парень. Высокий, светловолосый, с широкой улыбкой. Он хлопнул Орлова по плечу.

— А это, видимо, та самая Алиса, — он посмотрел на меня. Без враждебности. Просто с интересом. — Приятно познакомиться. Я Кирилл. Друг этого идиота.

— Приятно познакомиться, — сказала я тихо.

— Не слушай его, — Орлов закатил глаза. — Он преувеличивает.

— Я не преувеличиваю, — Кирилл подмигнул мне. — Я единственный, кто терпит его характер. Кстати, там Лена. Видела вас.

Орлов напрягся. Я почувствовала, как его рука на моей спине стала жёстче.

— Где?

— У бара. Пьёт что-то очень крепкое. Смотрит на вас.

Я обернулась. Лена стояла у бара. В красном платье. С бокалом в руке. Она смотрела прямо на нас. Улыбалась. Но

улыбка была холодной. Как лёд.

— Не смотри, — сказал Орлов. — Пойдём танцевать.

— Я не танцую.

— Я тоже. Но это лучше, чем стоять и ждать, когда она подойдёт.

Он взял меня за руку и повёл вглубь комнаты. Там был импровизированный танцпол. Люди двигались под музыку. Свет мигал. Я замерла.

— Я не умею, — сказала я. — Серьёзно.

— Никто не умеет. Просто двигайся.

Он положил руки мне на талию. Я вздрогнула. Мы никогда не стояли так близко. Я чувствовала его тепло. Его запах. Его дыхание на своей шее.

— Расслабься, — прошептал он. — Я не кусаюсь.

— Я знаю.

— Тогда почему ты дрожишь?

— Потому что... — я не знала, что сказать.

Мы начали двигаться. Медленно. Не в такт музыке. Просто переступали с ноги на ногу. Он смотрел на меня. Я смотрела на него. Мир вокруг исчез. Были только мы.

— Почему ты согласилась? — спросил он вдруг.

— На что?

— На это. На игру. Ты могла отказаться. Я бы нашёл кого-то другого.

Я задумалась. Почему я согласилась? Из-за денег? Да. Но не только. Было что-то ещё. Что-то, что я боялась признать.

— Мне было интересно, — сказала я. — Как это — быть с кем-то. Даже понарошку.

Он посмотрел на меня. В его глазах было что-то. Что-то, что я не могла прочитать.

— И как? — спросил он. — Быть со мной?

— Сложно, — честно сказала я. — Ты — как пазл, который не хочет собираться.

Он усмехнулся.

— Может, просто не хватает деталей.

— Может.

Музыка сменилась. Что-то медленное. Романтичное. Он притянул меня ближе. Я положила голову ему на плечо. Закрыла глаза. Если это игра, думала я, пусть она длится вечно.

— Макс, — раздался голос.

Мы обернулись. Лена стояла рядом. В красном платье. С бокалом. Она смотрела на нас. Улыбалась.

— Можно тебя на минуту? — спросила она. — Поговорить.

— Мы заняты, — сказал Орлов.

— Это важно, — её голос был мягким. Слишком мягким. — Про твоего отца. Он звонил мне сегодня.

Орлов напрягся. Я почувствовала, как его руки сжались на моей талии.

— Что он сказал?

— Не здесь, — она посмотрела на меня. — Наедине.

Он посмотрел на меня. Я кивнула. Отпустила его. Он ото-

шёл с Леной в сторону. Я осталась стоять одна. В толпе. Внезапно стало холодно.

Я смотрела, как они говорят. Лена что-то рассказывала. Орлов слушал. Его лицо было каменным. Потом он резко развернулся и пошёл ко мне. Лена улыбалась ему вслед.

— Что случилось? — спросила я.

— Ничего. Поехали.

— Но мы только пришли.

— Поехали, — он взял меня за руку. Крепко. Слишком крепко. — Пожалуйста.

Мы вышли. Я не задавала вопросов. Села в машину. Он завёл мотор и резко тронулся. Ехали молча. Я смотрела на его руки. Они дрожали.

— Орлов, — сказала я тихо. — Что она сказала?

— Ничего. Ерунда.

— Ты врёшь.

Он резко затормозил. Остановился у обочины. Повернулся ко мне.

— Мой отец. Он... — он замолчал. Сжал руль. — Он не одобряет. Наши отношения. Он сказал, что если я не брошу тебя, он перестанет платить за учёбу. За квартиру. Всё.

Я замерла.

— Что?

— Он думает, что ты — не тот человек. Что ты не из нашего круга. Что ты... — он не закончил.

— Что я толстая и бедная, — сказала я. — Он так сказал?

Орлов молчал. Молчание было ответом.

Я почувствовала, как внутри всё рушится. Я знала, что его родители не в восторге. Но чтобы так... Чтобы использовать меня как причину...

— Мне жаль, — сказал он.

— Тебе жаль? — я усмехнулась. — Ты извиняешься за своего отца?

— Я извиняюсь за то, что втянул тебя в это.

— Ты не втягивал. Я согласилась.

— Ты согласилась из-за денег. А теперь тебя оскорбляют. Это неправильно.

Я смотрела на него. В темноте машины его лицо было едва видно. Но я чувствовала, что он злится. На отца. На себя. На ситуацию.

— Что мы будем делать? — спросила я.

— Не знаю, — он вздохнул. — Я не могу потерять учёбу. Это единственное, что у меня есть. Но и бросить тебя... — он замолчал.

— Бросить меня? — я посмотрела на него. — Мы же не настоящая пара. Ты можешь «бросить» меня в любой момент. Это игра.

— Я знаю, — он сказал это тихо. — Но не хочу.

Слова повисли в воздухе. Я не знала, что они значат. Он тоже, кажется, не знал. Мы сидели в тишине. Долго. Потом он завёл машину и повёз меня домой.

У общежития он остановился. Заглушил мотор.

— Алиса.

— Что?

— Я не знаю, что будет дальше. Но я хочу, чтобы ты знала. Ты — не просто игра. Ты... — он замолчал. Подбирал слова. — Ты стала важной. Для меня.

Я смотрела на него. Сердце колотилось. Я не знала, что сказать. Что чувствовать. Это было слишком. Слишком много. Слишком быстро.

— Спокойной ночи, — сказала я. Вышла из машины. Пошла к общежитию.

— Алиса! — он крикнул мне вслед.

Я обернулась.

— Что?

Он смотрел на меня. В свете фонарей его глаза блестели.

— Ничего. Просто... спокойной ночи.

Я кивнула. Зашла внутрь. Поднялась в комнату. Закрyla дверь. Прислонилась к ней спиной. И сползла на пол.

Я не плакала. Просто сидела. И думала. О том, что он сказал. «Ты стала важной». Что это значит? Что это может значить для нас? Для меня?

Я не знала. Но впервые за долгое время я почувствовала надежду. Глупую, опасную, невозможную. Но надежду.

А потом я вспомнила слова Лены. «Он не умеет любить». И слова его отца. «Не из нашего круга». И поняла, что надежда — это не всегда хорошо. Иногда она — просто отсрочка боли. И чем больше надеешься, тем больше падать.

Я встала. Умылась. Посмотрела в зеркало. На меня смотрела уставшая девушка в красивом платье. Девушка, которая влюбилась в парня, который не мог её полюбить. Девушка, которая играла в игру и проиграла.

Я легла спать. И впервые за долгое время мне ничего не снилось.

Утром я проснулась от сообщения. От него.

«Не приезжай сегодня в универ. Я разберусь с отцом. Всё будет хорошо».

Я смотрела на экран. «Всё будет хорошо». Как будто это что-то значило. Как будто он мог это гарантировать.

Я не поехала. Осталась дома. Весь день просидела с книгой, не видя ни строчки. Вечером он позвонил.

— Я поговорил с отцом.

— И?

— Он не передумал. Но я сказал, что не брошу тебя. Что это моё решение.

— Зачем?

— Потому что я не хочу, чтобы он решал за меня. Это моя жизнь.

Я молчала. В трубке было слышно его дыхание.

— Алиса, ты здесь?

— Здесь.

— Я не знаю, что будет дальше. Но я хочу, чтобы ты знала: я не жалею. О том, что выбрал тебя. Даже если это игра.

Я закрыла глаза. Слезы текли по щекам. Но я улыбалась.

— Я тоже не жалею.

Мы попрощались. Я положила трубку. И поняла, что это только начало. Настоящее начало. И что дальше будет больше. И сложнее. И, может быть, счастливее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.